

Костомаров Николай Иванович

**Кто был первый
Лжедимитрий?**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Иванович К.**
Кто был первый Лжедимитрий? / Костомаров Николай Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 65 с.

ISBN 978-5-519-90604-3

ISBN 978-5-519-90604-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

вы прислали Смирного съ порученіемъ о другомъ совсѣмъ предметѣ—о дѣлахъ пограничныхъ, стоящихъ какихъ-нибудь нѣсколько рублей, о такомъ же важномъ дѣлѣ не поручали ему ни слова».

Эта протестация поименовъ заслуживаетъ вѣроятія, потому что намъ не было необходимости въ этомъ случаѣ говорить неправду. Еслибъ Смирной привалъ съ порученіемъ о самозванцѣ, они бы все равно не могли удовлетворить его, и следовательно—нечего было бы заператься, что не знали такого порученія. Притомъ же они не заирались, что Постникъ Огаревъ, вслѣдъ за Смирновымъ, а можетъ быть—и въ одно время призванный въ Польшу, имѣть порученіе о Дмитріи. И почему же по такому важному государственному дѣлу Смирного-Отрепьева посылали посланнаго бояре въ польскимъ панамъ, а не посылали государя въ польскому король?

Постникъ Огаревъ, дворянинъ, посланъ былъ Борисомъ октября 14. Паны въ тѣхъ же самыхъ и послѣдующихъ сношеніяхъ объясняли боярамъ, что этотъ посланный привалъ съ грамотой отъ Бориса собственно о пограничныхъ недоразумѣніяхъ, но между прочимъ грамота касалась и того, что во владѣніяхъ короля находится бѣглый монахъ Гришка Отрепьевъ, называющійся Дмитріемъ Углицкимъ, и посылаетъ грамоты въ украинные города Московскаго государства. Приглашали короля поймать его и наказать (Король отвѣчалъ, что такъ-какъ этотъ монахъ находится уже въ предѣлахъ Московскаго государства, то тамъ его удобнѣе поймать. *Дла Арх. Им. Д. № 26, 27. Suppl. ad Hist. Russ. mss. 418*).

Въ это же время въ Радзивиловѣ записано, что царю «учинилась вѣсть (следовательно—въ первый разъ царь узналъ), что нашелся въ Литвѣ воръ, который называется Дмитріемъ Углицкимъ». Изъ сего же слѣдуетъ заключеніе, что этотъ воръ долженъ быть Гришка Отрепьевъ, сбѣжавшій въ 1608 году (111) въ Сѣверскую землю съ чернецомъ Мисайломъ Повадинымъ. Онъ пришелъ въ Печерскій монастырь и тамъ разболѣлся, призвалъ игумена исповѣдываться и сознался ему, что

онъ, царевичъ Димитрій и ходить непостриженъ въ искусь, избѣгая царя Бориса. Игуменъ сталъ его чтить, объявилъ о немъ и сказать королю.

Бояре, въ сношеніяхъ своихъ съ польскими послами, уже послѣ убіенія Дзедимитрія, ссылались еще на то, что патріархъ посылалъ къ воеводѣ кievскому, князю Острожскому, сына боярскаго Аонасія Пальчикова извѣстить, что называвшій себя Димитріемъ и проживавшій въ его воеводствѣ — бѣглый монахъ-чернокнижникъ, и просилъ выдать его. Острожскій, признавая бѣглеца истиннымъ царевичемъ, не только не выдалъ, но задержалъ Пальчикова, а сынъ Острожскаго Янушъ томилъ его въ оковахъ долгое время, также признавая бродягу царевичемъ. На это извѣстіе поляки ~~ссылались~~ считали, что не знаютъ ничего о такомъ посольствѣ. Замѣтить слѣдуетъ, что и Константинъ Острожскій и сынъ его Янушъ не ~~мирволицы~~ ~~самозванцы~~. Въ ~~дневникѣ~~ ~~Бориса~~ (*Рук. Биба. Генер. Штаба*), бывшаго въ первомъ полчищѣ, съ которымъ претендентъ двинулся изъ Украины въ московскія владѣнія, говорится, что они боялись даже, чтобъ Острожскій не ударилъ на нихъ вооруженною силою, а на переправѣ черезъ Днѣпръ Острожскій велѣлъ угнать прочь все суда и паромы. Отъ князя Януша сохранилось того времени нисѣмо (*въ Днѣ. Литовск. Метр.*), гдѣ онъ вовсе не одобряетъ намѣреній помогать Димитрію и не считаетъ его истиннымъ царевичемъ. Поэтому нельзя повѣрить, чтобы Острожскіе задержали гонца патріархова, признавая ~~самозванца~~, ~~настоящимъ~~ царевичемъ.

Существуетъ въ спискѣ напечатанный на 164 страницѣ II-го тома Румянцовскихъ грамотъ приговоръ о ~~взятіи~~ ~~патріаршихъ~~, ~~митрополичьихъ~~, ~~архіерейскихъ~~ и ~~монастырскихъ~~ слугъ на службу, надписанный числомъ 12 іюня 1604 года. Тамъ Гришка Отрепьевъ упомянутъ по имени; но число и мѣсяцъ, означенные на приговорѣ, какъ и время его составленія, невѣрны, ибо тамъ говорится о вступленіи самозванца въ Московское государство тогда, когда онъ еще не вступалъ.

Этотъ приговоръ могъ состояться уже послѣ половины августа 1604 года.

Если исключить сомнительныя посольства Смирного и Пальчикова, то до 1605 года только въ посольствѣ Постника Огарева и въ приговорѣ о высылкѣ на службу (*) видны шаги къ тому, чтобъ назвать самозванца опредѣленнымъ именемъ Гришки Отрепьева. Народу не говорили ничего о таинственномъ лицѣ, старались даже не говорить съ нимъ объ этомъ, и ему не позволяли о немъ говорить. Между тѣмъ народъ все болѣе и болѣе увлекался новизною.

Въ то время когда успѣхи самозванца въ Сѣверской землѣ дѣлали его очень опаснымъ для Бориса, когда народныя симпатіи склонялись повсюду на сторону Димитрія, необходимымъ сочли совершить повсемѣстный обрядъ проклятія надъ этимъ врагомъ Бориса. Что для этого нужно было объявить народу положительно, кто таковъ именно человекъ, взявшій на себя роль Димитрія. И вотъ патріархъ въ январѣ 1605 года разсылаетъ грамоту (А. Э. II, 78), гдѣ не ограничивается однимъ глухимъ намекомъ на то, что называвшій себя Димитріемъ есть Гришка, но рассказываетъ подробно его похождения. «Этотъ человекъ звался въ мірѣ Юшка Богдановъ сынъ Отрепьевъ, проживалъ у Романовыхъ во дворѣ, сдѣлалъ какое-то преступленіе, достойное смертной казни и, избѣгая наказанія, постригся въ чернцы, ходилъ по многимъ монастырямъ, былъ въ Чудовомъ монастырѣ дьякономъ, бывалъ у патріарха Іова во дворѣ для книжнаго письма, потомъ убѣжалъ изъ монастыря съ двумя товарищами, монахами Варлаамомъ Яцкимъ и Михаиломъ Поводиннымъ».

До сихъ поръ патріархъ говоритъ то, что ему могло быть извѣстно лично. Далѣе идутъ свѣдѣнія, которыя онъ могъ имѣть только получивши отъ другихъ, а именно:

*) Приговоръ напечатанъ въ Собр. Госуд. Гр. II, 164, іюня 12, вѣроятно въ ошибочномъ спискѣ. Тамъ опредѣляется вѣсть Отрепьева, тогда какъ грамота о проклятій была выдана уже въ январѣ 1605 года.

- 1) Чернеца Пимена, постриженника Смоленскаго монастыря.
- 2) Чернеца Венедикта, Троицкаго монастыря.
- 3) Стефана иконника, ярославца, торговавшего въ Кіевѣ иконами.

Пименъ говоритъ, что онъ встрѣтился съ нимъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, — Григорій былъ съ Варлаамомъ и Мисаиломъ Повадинымъ; а Пименъ проводилъ ихъ за рубежъ въ Литовскую землю, а самъ воротился назадъ въ Московское государство.

Венедиктъ былъ въ Кіевѣ въ Печерскомъ монастырѣ и тамъ видѣлъ Гришку въ Печерскомъ и Никольскомъ и у князя Острожскаго, воеводу кіевскаго: Гришка служилъ въ дьяконскомъ чинѣ; Потомъ Гришка уклонился къ дѣторамъ, впалъ въ ересь и чернокнижіе, сталъ ѣсть мясо, связался съ запорожцами и ушелъ изъ монастыря на Запорожье. Венедиктъ жаловался на него печерскому игумену, и тотъ послалъ къ запорожцамъ взять его; тогда Гришка ушелъ ко князю Адаму Вишневецкому.

Стефанъ иконникъ видѣлъ Гришку въ Кіевѣ: онъ приходилъ къ нему въ лавку съ запорожцами, тогда онъ дьяконилъ въ Печерскомъ и въ Никольскомъ монастыряхъ и у князя Острожскаго.

Венедиктъ и Стефанъ иконникъ свидѣтельствовали, что Гришка, убѣжавши къ Адаму Вишневецкому, тамъ, по умышленію князей Вишневецкихъ и по королевскому повелѣнію, началъ называться княземъ Димитріемъ Углицкимъ.

Изъ этихъ извѣстій невозможно вывести несомнѣнно, чтобъ самозванецъ, вошедшій тогда въ Сѣверскую землю, былъ именно Гришка. Патриарху извѣстно было только то, что былъ въ Чудовомъ монастырѣ монахъ Гришка, Отрѣцѣвъ; онъ бѣжалъ въ Литву, обыкновенный пріютъ множества бѣглецовъ того времени. Самъ патриархъ болѣе ничего сказать не въ силахъ. Затѣмъ три его свидѣтеля что говорятъ? Первый вовсе не обвиняетъ Гришки въ самозванствѣ. Остаются другіе два. Но если дать имъ довѣріе какъ очевидцамъ, то они намъ сообщаютъ

единственно то, что Гришка жилъ въ Кіевѣ въ Печерскомъ монастырѣ; а Венедиктъ прибавляетъ, что и велъ себя дурно. Это они говорятъ какъ очевидцы. Что же до того, что Гришка ушелъ къ Вишневецкому и тамъ назвался Димитріемъ, то ни Венедиктъ, ни Стефанъ Иконникъ не называютъ себя очевидцами и свидѣтелями этого происшествія. Они не могутъ доказать, что именно Гришка; а не другой кто либо назвалъ себя Димитріемъ у князя Адама Вишневецкаго, какъ равно не показываютъ—откуда они знаютъ, что Гришка ушелъ именно къ Вишневецкому. Венедиктъ и Стефанъ не послѣдовали за Гришкой, оставались въ Кіевѣ; Гришка также не сказалъ имъ, что пойдетъ къ Вишневецкому. По собственному признанію Венедикта, за нимъ изъ монастыря посылали, а онъ спрятался и ушелъ. Если онъ прятался, то безъ сомнѣнія не открывалъ ему, куда онъ ушелъ. Следовательно, при самой полной добросовѣстности этихъ показаній, источникъ сообщеннаго здѣсь можетъ быть только слухъ и собственное соображеніе. Венедиктъ и Стефанъ Иконникъ могли услышать, что появился называющій себя Димитріемъ Углицкимъ, и, вспомнивъ бѣжавшаго бродягу Гришку, сообразили: ужь не Гришка ли этотъ новоявленный Димитрій? Это можно быть только при полной добросовѣстности. Но сама грамота патріархова не признаетъ за ними этого качества, напротивъ, называетъ ихъ ворами: *которые товарищи его воры въ Литву за рубежъ его проводили и которые про него подлинно вѣдаютъ, и въ Литвѣ съ нимъ жили*. Если они воры, то есть преступники, то, следовательно, могли ждать за воровство свое наказанія. А въ такомъ случаѣ имъ было естественно дѣлать то, что можетъ избавить ихъ отъ наказанія или облегчить его тяжесть. Такимъ дѣломъ и было—сообщить правительству вѣсти, которыя были для него необходимы; а въ то время имѣть болѣе или менѣе вѣроятныя свѣдѣнія, подтверждающія, что самозванецъ—Гришка Отрепьевъ, было дѣломъ первой важности. Но о добросовѣстности трехъ бродягъ мало можно толковать, когда тогдашнія извѣстія по этому дѣлу, исходившія прямо отъ патріарха и

другихъ важныхъ лицъ разнорѣчать между собою и передаваемое ими не согласуется съ строгой истиной. Напримѣръ, патріархъ писалъ окружную грамоту о проклятіи Гришки, гдѣ выставилъ народу то, что ему было извѣстно объ этомъ лицѣ, и скоро послѣ того писалъ грамоту въ Вильно къ католическому духовенству и въ ней допустилъ противорѣчіе тому, что писалъ своему народу. Такъ, въ окружной всенародной грамотѣ, какъ выше сказано, было объявлено, что Гришка прежде своего постриженія заворочался, сдѣлалъ что-то достойное смертной казни и, избѣгая ее, постригся въ монахи. А въ грамотѣ къ католическому духовенству, напротивъ, онъ пишетъ, что Гришка, уже постригшись, надѣлалъ преступленій, и избѣгая смертной казни, ушелъ въ Литву. Это измѣненіе противъ прежняго извѣстія, конечно, сдѣлано съ тою цѣлю, чтобы болѣе уронить самозванца и оправдывать требованіе выдачи его. Въ Соборной грамотѣ ко князю Острожскому (Доп. I, 255) говорится, что Гришка, живучи въ Чудовѣ монастырѣ, былъ уличенъ въ чернокнижествѣ, призываньи нечистыхъ духовъ и отреченіи отъ Бога, и за то осужденъ не на смерть, а на тюремное заточеніе въ Каменномъ монастырѣ. Сверхъ того въ грамотѣ, отправленной въ Подольшу, сказано, что самъ Іовъ патріархъ посвящалъ его въ діаконы; а въ окружной грамотѣ этого не говорится, напротивъ — смыслъ выходить такой, что Гришка прежде поступленія во дворъ къ патріарху былъ дьякономъ и былъ взятъ во дворъ уже носивши дьяконскій чинъ: *и былъ по многимъ монастыремъ и въ Чудовѣ во дьяконствѣ, да у меня Іева патріарха во дворѣ для книжнаго письма побывъ во дьяконствѣ осв.* На это могутъ возразить: патріархъ могъ ставить Гришку прежде, чѣмъ взялъ во дворъ. Посвященный въ діаконы Гришка ходилъ по разнымъ монастырямъ а потомъ уже взять во дворъ къ патріарху. Но во первыхъ, если бы патріархъ его ставилъ, то конечно въ Чудовомъ монастырѣ, и тогда въ грамотѣ было бы поставлено имя Чудова монастыря прежде, а не послѣ безыменныхъ многихъ монастырей, здѣсь же изображается,

что Гришка былъ въ званіи дьяконскомъ во многихъ монастыряхъ, а потомъ пришелъ въ Чудовъ. Если же предположить, что Гришка былъ во многихъ монастыряхъ не дьякономъ, а пришедши въ Чудовъ получилъ дьяконство, то этому противорѣчить складъ рѣчи: тогда патріархъ или употребилъ бы два раза слово *былъ* (*и въ Чудовѣ былъ въ дьяконатѣ*), или, по крайней мѣрѣ, сказалъ бы: *а въ Чудовѣ*, тогда какъ одинъ глаголѣ для *многихъ* монастырей и для Чудова, равнымъ образомъ союзы *и* показываютъ, что пребываніе Гришки принимается одинаковымъ, какъ въ многихъ монастыряхъ, такъ и въ Чудовомъ. Во вторыхъ, для чего было патріарху не сказать народу о томъ, что онъ самъ поставлялъ Гришку, когда онъ сообщаетъ объ этомъ польскимъ духовнымъ? И почему не оповѣстить народу вначалѣ о тѣхъ преступленіяхъ, о которыхъ писано было *вспослѣдствіи Острожскому*? Не скорѣе ли видно тутъ, что писавшимъ грамоты въ Польшу и къ Острожскому приходили въ голову новыя удачныя выдумки, которыя случайно не приходили тогда, когда писалось окружное посланіе.

Извѣстно, что кто вымышляетъ, тому рѣдко удается повторить свой вымыселъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ изложилъ его первый разъ.

Когда послѣ низложенія самозванца, въ царствованіе Шуйскаго, патріарха Іова привезли въ Москву изъ Старицы для разрѣшенія народа отъ наложенной имъ на него клятвы, то патріархъ объявилъ, будто Гришка разстригся прежде чѣмъ бѣжать въ Литовское государство (А. Э. 11, 153): *Научи его* (дьяволъ) *преже отступити отъ Творца нашего Бога и попрасти иноческій святолюбивый образъ и дьяконскій чинъ, потомъ же вложивъ въ него зложитрый лъвъ и бысовскій плевелъ въспявъ и злобу лукавства своего вложивъ въ сердце его: и по наученію дьявольскому, той презереченный врагъ Божій разстрига Гришка Отрепьевъ, избѣжавъ отъ Російскаго государства въ Литовскую землю, и проч.* Потомъ въ другомъ мѣстѣ той же грамоты: *про разстригу извѣщали подлинно, какъ она*

поверн иноческій и дьяконскій чинъ и какъ избѣжалъ изъ Русской государства въ Литовскую землю. Здѣсь патріархъ какъ-будто противорѣчитъ прежней своей грамотѣ, на которую тутъ же ссылается. Положимъ, что выраженіе *попрата* иноческій образъ можно принимать за риторическій способъ, что здѣсь смыслъ: Гришка сталъ жить недостойно иноческаго сана; но слово *поверн* прямѣе выражаетъ тотъ смыслъ, что Гришка снялъ съ себя иноческій санъ, прежде бѣства въ польскія владѣнія, ибо выраженіе повергнуть, свергнуть санъ употреблялось у насъ не въ общемъ смыслѣ поступковъ, достойныхъ лишенія сана, а именно въ смыслѣ дѣйствительнаго снятія съ себя сана. Между тѣмъ, по извѣстіямъ, сообщеннымъ прежде отъ имени того же патріарха Іова, не видно было, чтобъ Гришка снялъ съ себя монашескій санъ до побѣга въ Кіевъ, напротивъ въ Кіевѣ еще ходилъ въ монашескомъ платьѣ и служилъ въ дьяконскомъ санѣ. Собственно это разнорѣчіе само по себѣ не важно, но оно въ числѣ другихъ указываетъ, что въ официальныхъ актахъ, относящихся къ этому времени, не держались строгой одинаковости изложенія событій, а изображали ихъ такъ, какъ въ данную минуту казалось приличнѣе и выгоднѣе изображать.

Гораздо важнѣе слѣдующее разнорѣчіе. Написанная отъ имени патріарха въ 1605 году грамота, гдѣ излагались въ первый разъ народу свидѣтельства о томъ, что явившійся подъ именемъ Дмитрія есть Гришка Отрепьевъ, была разослана по епархіямъ; архіереи должны были сообщать народу тѣ вѣсти, какія сообщилъ имъ Іовъ, и безъ всякаго сомнѣнія русскіе архіереи не имѣли тогда иного источника, кромѣ грамоты патріаршей, ибо переписывали ее слово въ слово. Но при этомъ они говорили не совсѣмъ то, что говорилъ патріархъ. Напримеръ, въ грамотѣ Исидора, митрополита Новгородскаго (А. О. II, 81), говорится о Стефанѣ Иконникѣ, что онъ видѣлъ Гришку у Адама Вишневецкаго и слышалъ, какъ онъ назывался царевичемъ Дмитріемъ; а въ орудной грамотѣ патріарха не говорится, чтобъ Стефанъ его видѣлъ у Адама Вишневецкаго, а вса знакомство его съ

Гришкою ограничивалось тѣмъ, что послѣдній съ запорожскими черкасами приходилъ къ его лагѣ. Откуда же это разнорѣчіе? Конечно, въ грамотѣ Новгородскаго митрополита прибавля, сдѣланная для того, чтобъ показаніе Стефана Иконника имѣло какую-нибудь цѣнность, ибо въ патріаршей грамотѣ оно можетъ возбуждать смѣхъ своею несостоятельностью. Сверхъ того въ окружной грамотѣ патріарха, въ показаніи Венедикта, говорится, что Гришка присталъ къ Лютарамъ, а у Исидора это обстоятельство опускается, за то говорится, будто Венедиктъ видѣлъ Гришку въ Никольскомъ монастырѣ разстриженнымъ, чего нѣтъ въ патріаршей грамотѣ.

Извѣстія эти слагались и обнародовались въ то время, когда для спасенія Борисова правленія необходимо было, чтобъ тотъ, кто называлъ себя Димитріемъ, представленъ былъ народу не безыменнымъ, а именно съ какою-нибудь положительнымъ именемъ, ибо это до оставлять неизвѣстнымъ было опасно. Если онъ не Димитрій, то все тамъ—кто же онъ? спрашивалъ бы народъ. А коль скоро онъ—неизвѣстно кто, то почему же онъ не Димитрій? Имѣло бы правительство можетъ знать, что онъ не Димитрій, когда говорится, что не знаетъ кто онъ? Для вліянія на народъ, рѣшились предать проклятію вора. Но кого проклинять? Нужно было имя. Что оно было крайне нужно, показали послѣдствія. Когда послѣ смерти Бориса написали крестоцѣловальную записку, гдѣ не упомянули ни имени Гришки, ни другаго опредѣленнаго имени, а выразились о самозванцѣ какъ о неизвѣстномъ ворѣ, то перешедшіе къ самозванцу считали эту неопредѣлительность въ присяжномъ листѣ для себя достаточнымъ извиненіемъ. Видно только, что когда нужно было доискаться, кто бы могъ быть назвавшійся Димитріемъ, то патріархъ вспомнилъ, что въ Чудовомъ монастырѣ былъ монахъ Гришка Отрепьевъ, бывавшій у него во дворѣ для книжнаго письма и бывавшій изъ Москвы. Этимъ собственно и ограничивались положительныя свѣдѣнія о Гришкѣ въ Москвѣ. Что касается до его преступленій, то относительно этого патріархъ занутился въ своихъ грамотахъ, и въ одной изъ

никъ обвиняетъ Гришку въ преступленіи, сдѣланномъ до постриженія въ монахи, не говоря о его преступленіяхъ въ монашествѣ, а въ другой, не говоря, чтобъ причиною поступленія въ монашество было желаніе избѣжать кары за преступленіе, говоритъ, что Гришка, уже постригшись въ монахи, сдѣлалъ что-то достойное смертной казни. Затѣмъ подтвержденіемъ догадкамъ, явившимся въ Москвѣ, послужили неясныя показанія трехъ бродягъ, которымъ было, естественно сочинить что-нибудь о Гришкѣ и доставить ~~правительству~~ ~~услугу~~ сообщеніемъ нужныхъ ему объясненій. Но если они говорили и правду, то ничего не сказали важнаго, ибо не объяснили, почему они считаютъ, что назвавшій себя Димитріемъ былъ Гришка, а не иной кто-нибудь.

Какъ сторонникъ Бориса, патриархъ могъ и долженъ былъ изъ видовъ политики прибѣгать ко всевозможнѣйшимъ выдумкамъ, чтобъ спасать престолъ своего почитателя. Патриархъ уже прежде доказывалъ, что готовъ былъ жертвовать истиною политическимъ видамъ Бориса. Проволя на царство Бориса, патриархъ употреблялъ всевозможныя уловки, очень недобросовѣстныя. Теперь для того, чтобъ удержать Бориса на царствѣ въ критическое время, патриарху Іову было извѣстнѣе назвать неизвѣстное лицо извѣстнымъ именемъ бѣжавшаго бродяги; тѣмъ-болѣе что онъ самъ, если не былъ увѣренъ, что самозванецъ есть Гришка Отрепьевъ, то, по своимъ соображеніямъ и догадкамъ, считалъ это возможнымъ.

Замѣчательно, что въ то время проглядывались черты, которыя давали право думать, что правительство не увѣрено было въ томъ, что утверждало всенародно, — будто самозванецъ былъ Гришка. Напримѣръ, въ посольской грамотѣ, посланной къ королю Сигизмунду съ Постникомъ Огаревымъ, было сказано, что еслибъ это лицо и былъ настоящій Димитрій, то и тогда бы онъ не имѣлъ права на престолъ Московскаго государства, какъ незаконнорожденный сынъ. Поляки объясняли это желаніемъ обезпечить за собою право, еслибъ оказалось, что претендентъ былъ не только не Гришка, но даже настоящій